

БИБЛИОТЕКА ФЛОРЕНТИЯ ПАВЛЕНКОВА

ИСТОРИИ ЖИВЫЕ ЛИЦА

В. СКОТТ

Д. ДЕФО

ДЖ. СВИФТ

ИЖЛ

Ч. ДИККЕНС

**Валентин Иванович Яковенко
Александра Никитична Анненская
Андрей Васильевич Каменский
Аделаида Николаевна Паевская
В. Скотт. Д. Дефо. Дж. Свифт.
Ч. Диккенс (сборник)
Серия «Библиотека Флорентия
Павленкова. Истории живые лица»**

текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=21595093

*А. Анненская, А. Каменский, А. Паевская, В. Яковенко. В. Скотт. Д.
Дефо. Дж. Свифт. Ч. Диккенс: РИПОЛ-классик; Москва; 2015
ISBN 978-5-386-08704-3*

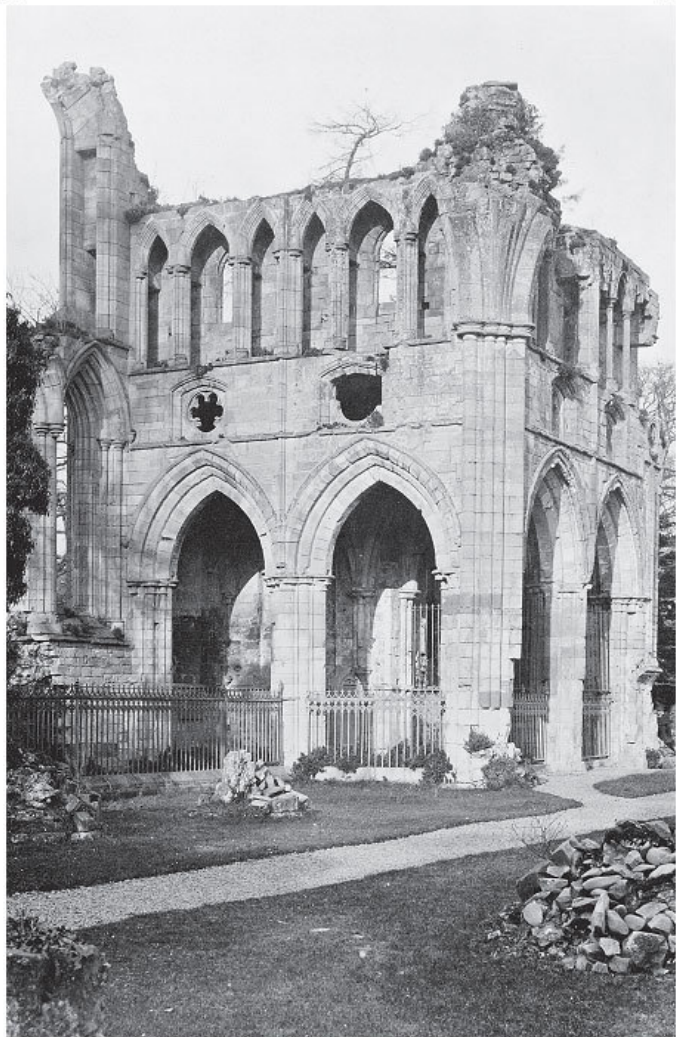
Аннотация

Флорентий Федорович Павленков – легендарный русский книгоиздатель, переводчик и просветитель или, как нынче принято говорить, культуртрегер. В 1890 году он придумал и начал издавать свою самую знаменитую серию «Жизнь замечательных людей». При жизни Павленкова увидели свет 191 книга и 40 переизданий, а общий тираж превысил миллион экземпляров. Это была, по признанию многих, первая в

Европе коллекция биографий, снискавшая колоссальный успех у читателей. Изданные 100 лет назад почти 200 биографий знаменитых писателей и музыкантов, философов и ученых, полководцев, изобретателей и путешественников, написанных в жанре хроники, остаются и по сей день уникальным информационным источником. В книгу вошли биографии великих английских писателей Вальтера Скотта, Даниэля Дефо, Джонатана Свифта и Чарльза Диккенса.

Содержание

Вальтер Скотт	10
Глава I	11
Глава II	49
Конец ознакомительного фрагмента.	63

**А. Анненская,
А. Каменский,
А. Паевская, В. Яковенко
В. Скотт. Д. Дефо.
Дж. Свифт. Ч. Диккенс**

© Издание. Оформление. ООО Группа Компаний «РИ-ПОЛ классик», 2015

В. Скотт

В одно из следующих своих путешествий Вальтер Скотт посетил Стирлингшир и Пертшири, между прочим был в Тюлибоди, имении дяди его друга Джорджа Аберкромби. Старик рассказал ему о том, как он посетил разбойника Роб Роя в его пещере, был принят им весьма любезно, ел у него жареное мясо украденных из Тюлибоди коров и заключил с ним условие о плате ему «черной дани», что должно было гарантировать его владения не только от Роб Роя, но и от всех соседних и дальних разбойников.

Д. Дефо

В какой ужасной обстановке провел Дефо более полутора лет. Нужно полагать, что у него была отдельная камера, где он мог заниматься литературной работой, но при всем том трудно представить себе более ужасные условия для такого рода занятий, и тем более поражает нас почти невероятная умственная деятельность этого опозоренного, разоренного и всеми брошенного человека. В течение своего полуторогодового заключения вместе с убийцами и разбойниками Дефо издал до сорока сочинений и памфлетов по разным общественным и политическим вопросам.

Дж. Свифт

«Свифт был великий и несчастный ум, величайший в классическом веке и несчастнейший в истории, англичанин до мозга костей, вдохновлявшийся и погибавший вследствие избытка своих английских качеств, сообщавших ему всю глубину желания, составляющую основную черту этого племени, всю непомерную гордость, которую запечатлела в нации привычка к свободе, превосходству и успеху, всю основательность положительного ума...» Не знающий радостей жизни, вечно терзаемый то физическими, то нравственными страданиями, преследуемый врагами и судьбою, он достигает необычайной высоты, «с которой, по оригинальности и силе своего творчества, представляется равным Байрону, Мильтону и Шекспиру, выражая чрезвычайно рельефно дух и характер своего народа...

Ч. Диккенс

В магазинах выставлены были шляпы, трости, сигары и материи а-ля Пиквик, знакомые, встречаясь на улице, обсуждали приключения действующих лиц романа, точно происшествия из жизни близких знакомых. Люди всех возрастов, всех классов общества зачитывались «Пиквиком». Карлейль рассказывает, что один благочестивый священник пришел к умирающему больному и долго беседовал с ним, стараясь приготовить его к переходу в лучший мир. Ему казалось, что он достиг своей цели, как вдруг больной прошептал: «Новая книжка "Пиквика" выйдет через десять дней – даст Бог, я все-таки проживу до тех пор и прочту ее!»

Вальтер Скотт
Его жизнь и литературная
деятельность
Биографический очерк А. Паевская

Глава I

1771–1792

Предки Вальтера Скотта. – Семья его. – Раннее детство. – Жизнь в Санди-Ноэ. – Возвращение в родительский дом. – Школа. – Университет. – Будущий романист получает звание адвоката

Семья Вальтера Скотта принадлежала к большому и воинственному шотландскому клану. Отец его, эдинбургский стряпчий, первый во всем своем роде поселился в городе и избрал оседлую профессию.

Предки писателя, Скотты из Гардена, упоминаются в истории Шотландии с XI века. Они были в родстве с древним родом герцогов Буклюю и жили в Гарденском замке на шотландском порубежье, то есть в пограничной зоне между Южной Шотландией и Северной Англией. Замок стоял в узкой и глубокой долине, орошаемой горным потоком, впадающим в Тевиот. Массивные развалины его еще существуют и возвышаются на крутом берегу, окруженные старинными вязами. Отсюда мужественные и беспокойные порубежники производили свои набеги на соседей, отбивали у них скот и грабили их имущество. Самым знаменитым из предков романиста был Вальтер Скотт, живший в царствование Марии Стюарт и известный под именем старого Ватта из Гардена. О нем и

его красавице жене сохранились многочисленные предания, из которых мы можем составить себе понятие об образе жизни порубежных воинов. Старый Ватт обыкновенно выезжал на добычу в сопровождении многочисленных слуг и товарищей. Награбленное добро прятали в глубине непроходимого ущелья по соседству со старою Гарденской башней, как назывался замок. Из ущелья скот постепенно приводили на убой в замок. Когда последняя корова была убита и съедена, жена старого Ватта подавала на стол пустое блюдо, на котором лежала только пара ярко вычищенных шпор – намек всадникам, чтобы они позаботились о будущей трапезе.

Сын старого Ватта, впоследствии сэр Вильям Скотт, осыпанный милостями шотландского короля Якова VI, был достойным имени своего отца. Во время одного из своих набегов на земли сэра Гидеона Муррея из Элибанка он был взят в плен. Предание гласит, что ему предложили на выбор: либо быть повешенным, либо жениться на «большеротой Мэг», самой безобразной из трех дочерей сэра Гидеона. Сэр Вильям был красивый молодец. Он выпросил трехдневную отсрочку для размышления и кончил тем, что предпочел жизнь, хотя бы и в обществе некрасивой жены. Мэг, оказавшаяся примерной женою, передала свой большой рот потомству, в том числе и Вальтеру Скотту.

Между предками романиста, кроме смелых удальцов-порубежников, были также ученые, например сэр Майкл Скотт, писавший в XIII веке и известный своими сочине-

ниями по астрономии, алхимии и естественным наукам, за что прослыл между современниками колдуном. Другой предок писателя, также называвшийся Вальтером, напечатал в XVII веке в стихах «Историю знаменитого рода Скоттов». Внук старого Ватта из Гардена был дедом отца романиста; он также носил имя Вальтер и был известен в долине Тевiota под прозвищем Бородатый, потому что не стал брить бороды после изгнания Стюартов; он потерял все свое состояние, интригуя в их пользу, и сам даже брался за оружие, рискуя быть повешенным за государственную измену. От своего бородатого предка Вальтер Скотт наследовал известную слабость к Стюартам, которых, впрочем, вовсе не оправдывал.

У Бородатого было три сына; второй, Роберт, дед романиста, сначала поступил в морскую службу, но, испытав в первом же своем плавании кораблекрушение, почувствовал такое отвращение к морю, что безусловно отказался от вторичного плавания. Рассерженный отец не мог простить ему этого и отрекся от него. Предоставленный самому себе, Роберт перешел на сторону вигов и обратился за помощью к своему родственнику и феодальному вождю, мистеру Скотту из Гардена, который дал ему в аренду ферму Санди-Ноэ; среди ее утесов возвышаются развалины Смальгольмской башни, воспетой впоследствии Вальтером Скоттом. Роберт Скотт начал свое хозяйство, наняв пастуха по имени Гагга, который из уважения к роду Скоттов доверил новому своему хозяину все свое состояние, равнявшееся тридцати фунтам стер-

лингв. С этой суммою господин и слуга отправились на ярмарку покупать овец. Они долго выбирали их, но когда пастух наконец нашел таких овец, каких им было нужно, то увидел, что господин его гарцует на прекрасном коне, только что купленном на весь наличный капитал. Эта спекуляция, впрочем, была удачна: через несколько дней Роберт так ловко показал достоинства своего коня на охоте у Джона Скотта из Гардена, что продал свою покупку за двойную цену. После этого он больше не занимался никакими спекуляциями, но устроил свою ферму и первым завел торговые сношения между горной Шотландией и главными английскими графствами, и при этом нажил порядочное состояние. Роберт Скотт был среднего роста, деятелен, энергичен, горяч, проникателен, строго честен и так славился повсюду своим знанием сельского хозяйства, что все соседи обращались к нему за разрешением спорных вопросов. Благородное происхождение обеспечивало ему доступ в лучшее общество графства, а искусство в охоте и рыбной ловле делало его приятным товарищем и интересным застольным собеседником. Отец Вальтера Скотта был старшим из многочисленных детей Роберта. Это был формалист, глубоко убежденный в необходимости строгого воспитания, страстно любивший порядок и аккуратность; он не ценил даже хорошей книги без хорошего переплета и более всего выходил из себя при необходимости какого-нибудь отступления от «благоустроенной гармонии домашнего обихода». Вальтер Скотт, говоря

о своем отце, упоминает, что он был красив собою, причем отличался мягкостью, добротой, большою воздержностью и набожностью. Он с замечательным достоинством умел руководить всякими официальными церемониями и «безусловно любил похороны». Он даже держал у себя список многочисленных родственников, дальних и близких, для того, чтобы иметь возможность присутствовать на их похоронах, которыми его часто просили распоряжаться. «Я подозреваю, — прибавляет романист, — что ему не раз приходилось платить за них. Он при всякой возможности возил меня с собою на эти погребальные церемонии; но я, чувствуя, что не могу, подобно ему, приносить там пользу или служить украшением, старался насколько мог избавиться от этих поездок». В политике старик Скотт был сторонником свободы, но в то же время убежденным монархистом.

Вальтер Скотт.

Фотография сделана между 1890 и 1900 гг.

Мать Вальтера Скотта, урожденная Резерфорд, была небольшого роста и не отличалась красотой. Она получила лучшее воспитание, чем большинство современных ей шотландских женщин. Для усовершенствования в науках и манерах ее поручили некоей миссис Опсильви, которая так умела муштровать своих воспитанниц, что г-жа Скотт, будучи уже восьмидесятилетней старухой, не смела спокойно усесться в кресле и прислониться к его спинке, точно все еще находилась под наблюдением суровых очей своей воспитательницы. Г-жа Скотт была нежною и доброю матерью, отличалась веселым характером, наблюдательностью, юмором и любовью к старинным шотландским балладам, легендам и сказкам, которые прекрасно умела рассказывать.

После ее смерти Вальтер Скотт писал о ней леди Луизе Стюарт:

«Ее ум отличался приобретенными сведениями и природною талантливостью; и так как она была очень стара и обладала прекрасною памятью, то умела своими рассказами очертить поразительную картину прошлых времен. Если я достиг чего-либо в описаниях старины, то во многом обязан ей». Накануне того дня, когда ее разбил паралич, она рассказывала «с величайшею точностью настоящую историю ламермурской невесты» и указывала на то, чем эта история

разнится от романа того же названия, написанного ее сыном. Она помнила имена всех действующих лиц и объясняла их родство с существующими семействами.

Вальтер был горячо привязан к своей матери и часто упоминал о ее нежности и доброте к нему. Душеприказчики, открывая рабочий стол Вальтера Скотта после его похорон, нашли там разные старомодные вещицы, украшавшие туалет его матери, когда он ребенком спал в ее уборной: пакетики с волосами ее умерших детей, табакерку ее мужа и разные вещи в том же роде.

Вот что сам Скотт пишет о своей семье:

«У моих родителей было очень много детей, я думаю – не менее двенадцати; из них некоторые были весьма способны, хотя только пятеро пережили раннее детство. Мой старший брат Роберт был моряком в королевском флоте и принимал участие в большей части битв Роднея. Он отличался смелостью и гордостью, и в его обхождении со мною проглядывало капризное самовластие. Он имел большую склонность к литературе, читал стихотворения со вкусом и толком и сам писал стихи, которые весьма ценились его товарищами. Роберт очень приятно пел (талант, которого я никогда не проявлял), имел сведения по практической механике и, будучи в хорошем расположении духа, умел отлично рассказывать о своих похождениях и о пережитых им опасностях. В дурном расположении он заставлял нас практически знакомиться с дисциплиною военного корабля и беспощадно дрался.

Джон Скотт, мой второй брат, года на три старше меня, находился на военной службе.

У меня была только одна сестра Анна, которую судьба избрала как бы мишенью для своих ударов. Детство ее отличалось тем, что она с трудом спасалась от самых необыкновенных случайностей и опасностей. Я помню, как калитка в Сен-Джорджском сквере, захлопнувшись от ветра, едва не раздавила ей руку. В другой раз она едва не утонула в пруду, или яме с водою, в том же сквере. Но самым несчастным случаем, произошедшим с нею в то время, когда ей только что минуло шесть лет и тем не менее бывшим впоследствии причиною ее смерти, было то, что однажды загорелся ее чепчик. Она находилась одна в комнате, и раньше, чем могла подоспеть помощь, ей сильно опалило голову. После продолжительной и опасной болезни она выздоровела, но никогда уже больше не была вполне здорова.

В 1801 году бедная Анна умерла после скоротечной болезни. Ее нрав, как и характер братьев, отличался некоторыми особенностями; она, пожалуй, была даже страннее других – вследствие оказываемой ей снисходительности. Будучи в сущности любящей и доброй девушкой, не лишенной способностей и нежных чувств, она жила в идеальном мире, созданном ее воображением. Анна была на год моложе меня. За нею следовал брат Томас. Последний и самый несчастный из нашей семьи был мой младший брат, Даниэл. Отличаясь тем же отвращением к труду, или, лучше сказать, тою же

упорною беспечностью, что и все мы, он не обладал ни быстротою ума, могущею заменить недостаток прилежания, ни гордостью, заставляющею предпочитать зависимости и пренебрежению самый ненавистный труд. Его жизнь была настолько печальна, насколько этого следовало ожидать при таком грустном сочетании условий; после нескольких попыток пристроиться он умер по возвращении из Вест-Индии в 1806 году.

Перейду теперь к моей собственной истории. Я родился, насколько знаю, 15 августа 1771 года. Я был необыкновенно здоровым ребенком, но едва не умер из-за того, что первая моя кормилица хворала чахоткою. Ее отослали и взяли другую, здоровую крестьянку, которая до сих пор жива и хвастает тем, что “ее мальчишечка” стал “большим барином”. Пока мне не минуло полтора года, я выказывал все признаки здоровья и силы. Однажды вечером, как мне часто впоследствии рассказывали, я ни за что не хотел даться в руки тем, кто должен был уложить меня в постель, и все бегали по комнате; наконец меня поймали и с трудом уложили спать. Это был последний раз, когда мне удалось показать проворство. Утром заметили, что у меня лихорадка, часто сопровождающая прорезывание коренных зубов. Она продолжалась три дня. На четвертый, когда меня, по обыкновению, стали купать, то увидели, что я не владею правой ногою... Составили консилиум, в котором приняли участие мой дед, прекрасный анатом и врач, затем уважаемый покойный Александр

Вуд и многие другие медики. Оказалось, что нет ни вывиха, ни какого бы то ни было повреждения; но напрасно употребляли мушки и иные наружные средства. Когда все усилия патентованных врачей безуспешно истощились, мои родители в своем беспокойстве стали хвататься за всякую надежду излечения, предлагаемую знахарями или старушками и старичками, считавшими себя вправе рекомендовать различные средства, из которых иные были довольно странно-го свойства. Но прежде всего последовали совету моего деда, доктора Рутерфорда, и послали меня в деревню, чтобы я окреп под влиянием чистого воздуха и свободы; и раньше чем я начал жить сознательно, я принадлежал уже к числу обитателей фермы Санди-Ноэ. Здесь следует упомянуть об одном не совсем приятном обстоятельстве. Матушка, не желая затруднять семью деда уходом за мною, послала для этого в Санди-Ноэ служанку. Но девушка, которой дали это немаловажное поручение, оставила свое сердце в Эдинбурге – по всей вероятности, ее обошел какой-нибудь молодец, наобещавший ей больше, нежели намеревался исполнить. Служанка страстно желала вернуться в город, а так как матушка взяла ее исключительно для ухода за мною на ферме, то она возненавидела меня как причину своего пребывания в деревне. Я полагаю, что у нее развилось болезненное состояние, потому что она раз созналась старой экономке, Алисон Вильсон, что принесла меня на утесы под влиянием сильного искушения перерезать мне там горло ножницами. Алисон

тотчас взяла меня к себе и позаботилась о том, чтобы служанка не подвергалась больше подобным искушениям. Ее отослали, и она впоследствии сошла с ума».

Предисловие к шестой песни поэмы «Мармион» содержит прелестную картину чувств ребенка среди обстановки фермы Санди-Ноэ и живописной местности, окружавшей развалины Смальгольмской башни:

«Это была бесплодная и дикая местность, где беспорядочно громоздились голые скалы, но местами между ними виднелась бархатная зеленая мурава, и одинокий ребенок знал, где ютятся цветы и вьется душистая жимолость вдоль трещин разрушенных стен. Я думал, что никогда солнце не освещало таких пленительных уголков. Мне казалось, что эта разрушенная башня – самое великое создание человеческого могущества... Я с изумленным восхищением внимал чудесным рассказам старого пастуха о древних вождях, которые из этой твердыни на борзых конях мчались в хищническом набеге на юг, в синеющие вдали Тевииотские горы и, возвращаясь домой, наполняли покой замка весельем и шумными пирами. Мне казалось, что под разрушенными сводами ворот все еще раздаются звуки военных труб и конский топот, а за ржавыми решетками бойниц чудились суровые лица, испещренные шрамами... И около зимнего очага я также слышал рассказы, то грустные, то веселые...» Эти рассказы восторженный мальчик переживал всем своим существом. Самые теплые строки посвящены воспоминаниям

о любимом деде и его друзьях, всегда бывших снисходительными и ласковыми с шаловливым и балованным ребенком. «До настоящего времени (1836), – продолжает в своей автобиографии Вальтер Скотт, – со мной живут в соседстве две старухи, находившиеся в услужении в Санди-Ноэ, когда был привезен туда больной двухлетний ребенок. Одна из них, Тибби Гентер, хорошо помнит его приезд и то, что он «был милый, добронравный мальчик и любимец всех в доме». «Молодые доильщицы овец с радостью, – рассказывает она, – носили его на спине по скалам; он был очень сметлив и скоро знал каждую овцу и ягненка не хуже, чем скотницы». Но самое большое удовольствие испытывал мальчик в обществе старого пастуха, Санди Ормистона, о котором упоминается в названном выше предисловии к шестой песни поэмы «Мармион». Если ребенок встречал Санди утром, то не отставал от него, пока тот не сажал его на плечо и не уносил с собою; пастух лежа наблюдал за вверенным ему стадом, и ребенок сидел возле него.

Пастух на рожке подавал особенный сигнал служанкам, находившимся на ферме, стоявшей у подножия холмов, когда ребенок выражал желание вернуться домой. Поэт впоследствии говорил своему другу, мистеру Скину, с которым провел летний день среди хорошо памятных ему скал, что ему доставляло наслаждение целый день валяться на траве среди стада и что «этот род товарищества, заключенного им таким образом с овцами и ягнятами, заставил его полюбить

их на всю жизнь». Рассказывают, что его однажды забыли на холме, когда вдруг собралась гроза; тут только тетка вспомнила о нем и побежала его отыскивать; она нашла его лежащим на спине, он хлопал в ладоши и при каждом появлении молнии кричал: «Славно, славно!»

«Здесь, в Санди-Ноэ, – говорится далее в автобиографии, – в доме моего деда, мне пришлось испытать первые сознательные впечатления жизни – и я отчетливо помню себя в довольно причудливом виде и положении. В числе средств, к которым прибегали для излечения моей хромоты, кто-то посоветовал, чтобы всякий раз, когда заколют овцу для домашнего употребления, меня, раздетого донага, пеленали в шкуру, еще неостывшую после того, как ее сняли с животного. Хорошо помню, как я в этом татарском одеянии лежал на полу маленькой гостинной фермы, между тем как мой дед, почтенный старик с белыми волосами, употреблял всевозможные средства, чтобы заставить меня ползать. Припоминаю также, как покойный сэр Дж. Макдугал из Макерстоуна помогал ему в его попытках. Он, Бог его знает как, приходился нам сродни, и я до сих пор точно вижу его и его старомодный военный костюм отставного полковника: на нем была маленькая треугольная шляпа, украшенная галунами, вышитый красный жилет и светлый сюртук; седые волосы его были собраны в косу на военный лад; он стоял передо мною на коленях и волочил по ковру часы, стараясь вызвать во мне желание ползти за ними. Добродушный старый воин

и ребенок, завернутый в овечью шкуру, вероятно, представляли странное зрелище для постороннего зрителя. Это происходило, по-видимому, в то время, когда мне шел третий год.

Моя бабушка несколько лет продолжала управлять фермой при помощи второго брата моего отца, мистера Томаса Скотта, жившего в Креминге в качестве управляющего этим поместьем, принадлежавшим мистеру Скотту из Данесфилда. Это было в самый разгар войны за американскую независимость, и я помню, что с нетерпением ожидал еженедельного приезда дяди (мы иначе не получали никаких новостей), чтобы услышать о поражении Вашингтона, точно я имел личную и серьезную причину питать к нему недоброжелательство; не знаю почему, но это было для меня как-то связано с горячею симпатиею к фамилии Стюартов, возбужденною во мне первоначально песнями и рассказами якобитов. Мое политическое настроение сильно поддерживалось тем, что в моем присутствии говорили о жестокости казней в Карляйле и горной Шотландии после битвы при Куллодене. Некоторые наши дальние родственники тогда погибли, и я помню, что питал за это к герцогу Кумберландскому недетскую ненависть. Мистер Курл, фермер в Гетбюри, муж одной из моих теток, присутствовал при их казни; вероятно, от него я впервые услышал эти трагические рассказы, произведшие на меня столь сильное впечатление. Местные сведения, которые, вероятно, повлияли на образование моего будущего

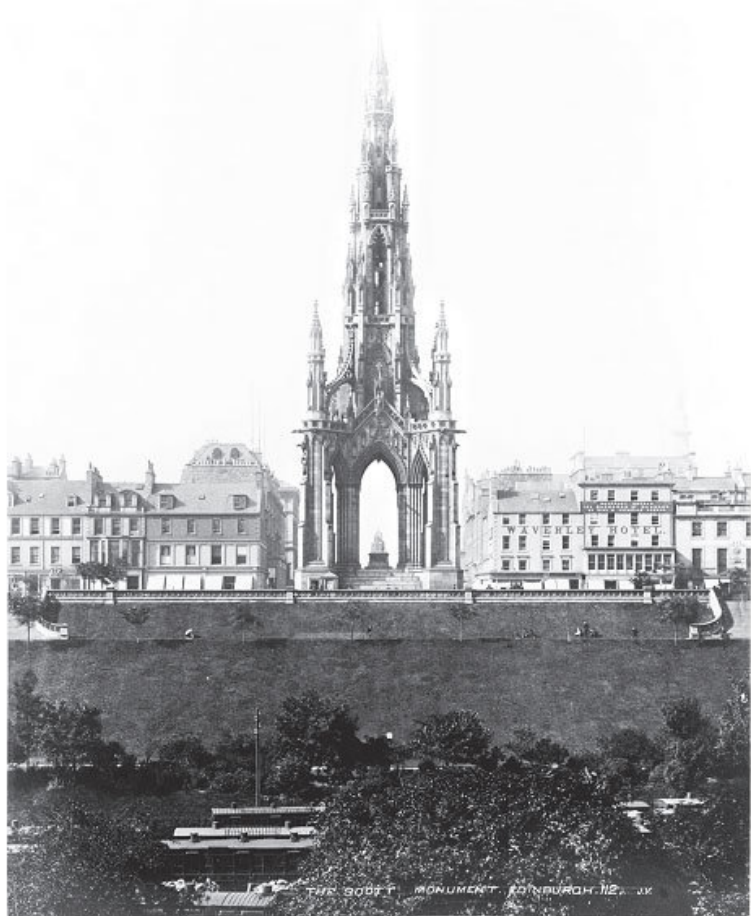
вкуса и на выбор занятий, я заимствовал из старых песен и рассказов, составлявших развлечение уединенно жившей в деревне семьи».

Вальтеру Скотту было около четырех лет, когда его повезли на воды в Бат, надеясь излечить хромоту. Здоровье его в общем было хорошим, жизнь в деревне сделала свое дело: он отлично бегал, несмотря на свою хромоту, лазал по горам и катался на пони, на которого садился без посторонней помощи; прибавим, что пони был не выше ньюфаундлендской собаки. По дороге в Бат заехали в Лондон, и поэт упоминает, что когда через двадцать пять лет он снова посетил Лондонскую башню и Вестминстерское аббатство, то удивился, насколько точны были его воспоминания о них. «С тех пор я стал гораздо более доверять воспоминаниям своего детства», – прибавляет он. Бат принес мало пользы его здоровью. Здесь он выучился читать в небольшой школе под руководством одной старой дамы. Иногда ему давала уроки жившая с ним тетка. «Впоследствии, – пишет Вальтер Скотт, – я взял несколько уроков чтения у мистера Стокера из Эдинбурга и у пастора Клива. Но я не приобрел правильного произношения и вообще остался дурным чтецом».

Одно из самых сильных впечатлений, пережитых здесь Вальтером, было первое посещение театра – давали комедию Шекспира «Как вам угодно». Он подробно описывает это в «Очерке жизни актера Кембла».

Из Бата мальчика перевезли сначала в Эдинбург, а затем

снова в Санди-Ноэ. Во время пребывания в Эдинбурге шестилетнего Вальтера Скотта видела приятельница его матери, миссис Кокбурн; она описывает его как самого гениального ребенка, какого ей когда-либо приходилось видеть: «Он читал своей матери вслух стихи, когда я вошла. Я просила его продолжать – это было описание кораблекрушения. Его волнение росло вместе с грозой. “Мачта упала! – восклицал он. – Вот ее унесло водою... они все погибнут!..” Весь взволнованный, он обращается ко мне, говоря: “Это слишком печально, я лучше прочитаю вам что-нибудь повеселее”. По уходе дамы он сказал тетке, что миссис Кокбурн, которая о многом разговаривала с ним, ему очень понравилась, потому что она – такой же «виртуоз», как он сам. «Милый Вальтер, – отвечала тетка, – что такое „виртуоз“?» – «Разве вы не знаете? Это человек, который желает все знать».

Edinburg.
Sir Walter Scott's Mon^t

Эдинбург.

Фотография сделана между 1860 и 1890 гг.

Из Санди-Ноэ, где ребенок пробыл лето, тетка на несколько недель взяла его в Престонпанс, местечко на берегу моря. Надеялись, что морские купанья излечат его хромоту. Здесь он познакомился со старым отставным военным по имени Дальгетти, который, найдя в ребенке прилежного слушателя, без конца рассказывал ему о германских войнах. Старик и ребенок также часто говорили об американской войне и наконец почти рассорились из-за своих разногласий в политическом отношении. В Престонпансе жил также мистер Джордж Констэбль, старый друг отца Вальтера.

Джордж Констэбль первым познакомил Скотта с типами Шекспира, в частности с Фальстафом и Готспуром. «Не знаю, какого рода представления я тогда составил себе о них, – говорит Вальтер Скотт, – но, вероятно, они вызвали во мне известного рода идеи, потому что я интересовался ими. Вообще я думаю, что дети получают сильные импульсы к умственной деятельности, слыша вещи, которые они не вполне ясно понимают, и поэтому писать, подделываясь под понятия детей, весьма ошибочно – указывайте им только путь, и пусть они сами добиваются остального». Вальтер Скотт всю жизнь помнил едко-юмористические рассказы Джорджа Констэбля о 1745 годе, но это относится уже к более позднему времени.

Переездом из Престонпанса в родительский дом закончился период раннего детства Вальтера Скотта. В его жизни вообще произошла теперь довольно тяжелая перемена. Он был ласков, послушен и необыкновенно мягок с теми, кого любил, но с ним случались и такие вещи. Однажды его родственник Рэберн свернул шею его любимому скворцу, которого ребенку удалось наполовину приручить. «Я вцепился ему в горло не хуже дикой кошки, – говорит поэт в своем дневнике через пятьдесят лет по случаю смерти Рэберна, – так что меня насилу оторвали от него». И судя по тому, что он дальше пишет, видно, что он и в то время не вполне простил своего обидчика. С теми, кого Вальтер Скотт любил и перед кем был виноват, он поступал иначе. «Я редко, – говорит один из его учителей, мистер Митчел, – имел случай за время своего пребывания в семействе обвинить его в чем-либо, даже в пустяках, и только раз пригрозил ему строгим наказанием; но он тотчас же вскочил, бросился мне на шею и начал целовать меня». Добрый старый джентльмен прибавляет к этому рассказу следующий комментарий: «Таким великодушным и благородным поведением мое недовольство моментально было превращено в уважение и восхищение; моя душа наполнилась нежностью, и я готов был смешать мои слезы с его слезами». Не следует думать, однако, что ребенок не имел характера. Когда он перешел в семью, где было много детей и где его не баловали, как у деда, он сумел найтись в новых условиях. Но тем не менее ему жилось тя-

жело среди капризных и своевольных братьев, которые часто обижали его. Большой поддержкою была для него нежная любовь матери. Семья отличалась большой религиозностью, пресвитерианское воскресенье праздновали в ней с необычайной строгостью; в этот день читались только духовные книги и выслушивались длинные и сухие проповеди. Умно-го, живого мальчика это страшно утомляло. В течение недели время посвящалось более приятным занятиям.

Мать его, будучи образованной женщиной, любила литературу, и они вместе много читали.

В 1778 году Вальтер Скотт поступил в Эдинбургскую высшую школу. Он был не особенно хорошо подготовлен и не отличался усидчивостью. Мальчики занимали там места на скамьях сообразно своим успехам. Что касается Вальтера Скотта, то он сам говорит о себе: «Я перелетал, как метеор, с одного конца класса на другой и приводил в негодование доброго учителя легкомыслием и небрежностью, хотя временами заслуживал его одобрение проблесками ума и таланта». Товарищи любили его — он всегда им помогал, в скучные зимние дни неутомимо рассказывал разные истории и вообще играл более важную роль вне класса, чем во время урока. Дома у Вальтера Скотта и его братьев был учитель, уже упомянутый мистер Митчел. С ним Вальтер вступал в бесконечные политические споры по поводу исторических лиц; он терпеть не мог пресвитерианцев и восхищался Мон-трозом и его победоносными шотландскими горцами, а ми-

стер Митчел уважал пресвитерианского Улисса, — мрачного и хитрого Аргайля. Вальтер тогда уже был тори и остался им на всю жизнь. Через три года по поступлении в школу мальчик перешел под руководство нового учителя — ректора мистера Адама. От этого почтенного человека он впервые научился ценить знания, между тем как до сих пор относился к приобретению их как к чему-то тяжелому и неприятному. Он два года изучал латинских авторов, был очень польщен, когда ректор одобрил его успехи, и сам начал пробовать переводить стихами Горация и Вергилия, хотя никогда впоследствии не был выдающимся латинистом. Мальчик видел, что от него ожидают всего хорошего, и считал, что должен оправдать мнение любимого и уважаемого преподавателя. По словам товарища Вальтера Скотта, Ирвинга, доктор Адам постоянно ссылался на Вальтера, когда нужно было привести какой-нибудь год или историческое событие, упоминаемое в читаемых учениками классиках, и называл его историком своего класса. Вальтер Скотт с любовью вспоминает о докторе Адаме в своей автобиографии. «Добрый старик чрезвычайно гордился успехами своих учеников в жизни и постоянно (большею частью совершенно справедливо) указывал на них как на свое создание или, по крайней мере, как на плоды своего преподавания. Он помнил судьбу каждого мальчика, бывшего в школе в течение его пятидесятилетнего управления ею, и всегда приписывал их успехи или неудачи в жизни их вниманию или небрежности к школьным

занятиям. Его «шумное жилище», которое для другого походило бы на дом умалишенных, было его гордостью; когда он утомлялся от шума и беготни, от необходимости просматривать задачи, выслушивать уроки и в то же время поддерживать известный порядок в классе, то утешался, сравнивая себя с Цезарем, который мог диктовать сразу трем секретарям...

Как жаль, что такой ученый человек, вполне приспособленный к занимаемому месту, такой полезный и простосердечный человек, умевший довольствоваться столь малым, должен был подвергнуться тяжелым неприятностям. Но эдинбургские власти, не зная, каким сокровищем они обладают в лице доктора Адама, допустили необузданного малого, одного из младших учителей по имени Николь, нанести оскорбление почтенному ректору... Николь был хороший классик и полный юмора собутыльник (что заслужило ему дружбу Бёрнса), но в то же время – беспутный пьяница, бесчеловечно жестокий с учениками. Вражда к ректору довела его почти до убийства: он подстерег почтенного старика в темноте и избил его. Покровительство, оказанное городским советом этому недостойному сопернику, привело к дальнейшим последствиям, которые на время омрачили счастье и добрую славу бедного Адама. Когда началась французская революция, и в Англии партии стали горячо спорить за или против нее, доктор Адам неосторожно присоединился к сторонникам революции. Это было весьма естественно,

так как все понятия Адама о существующих правительствах основывались на его знакомстве с деятельностью эдинбургского городского совета, а его едва ли можно было сравнивать со свободными государствами Рима и Греции, откуда Адам черпал свои взгляды относительно республик. Недостаток осторожности в разговорах по поводу современных политических событий лишил старика уважения учеников, большинство которых в своих семьях привыкли слышать совершенно другого рода мнения. Все это (происходившее уже гораздо позднее моего выхода из школы) прошло так же, как утихли и другие волнения того времени, и доктор Адам продолжал свои педагогические труды до прошлого года, когда его разбил паралич во время преподавания в классе. Он прожил еще несколько дней; в бреду перед смертью он представлял себе, что находится в классе, разговаривал с учениками и наконец сказал: “Но темнеет... мальчики могут идти!”, — после чего умер.

Здоровье Вальтера Скотта опять ухудшилось, и отец позволил ему провести полгода в Кельзо у доброй его тетки мисс Джанетты Скотт. Здесь он совершенно свободно располагал своим временем, за исключением четырех часов в день, которые проводил в школе, продолжая занятия латынью с учителем мистером Ланселотом Велем. Учитель, которому надоели вокабулы и Корнелий Непот, охотно читал с Вальтером Тацита и не жалел для способного ученика ни трудов, ни времени. Что касается Вальтера, то он, со сво-

ей стороны, помогал учителю, спрашивал уроки в младших классах и на публичном экзамене произнес речь Галгака, произведшую тем большее впечатление, что мало кто из слушателей мог понять хоть слово из нее.

«Между тем, – рассказывает дальше Вальтер Скотт в своей автобиографии, – мое знакомство с английской литературой постепенно расширялось. В часы, свободные от школьных занятий, я и прежде жадно читал попадавшиеся мне в руки книги по истории, поэзии, путешествиям, не забывая обычную, или, лучше сказать, в десять раз большую долю сказок, восточных легенд, романов и так далее...

Это чтение было совершенно неправильное, никто в нем не руководил мною.

Мой репетитор считал почти грехом открыть какую-нибудь светскую книгу, драму или поэму, а моя мать, помимо того, что учитель мог и ее убедить в греховности подобного занятия, не имела времени слушать по-старому мое чтение вслух. Я, однако, нашел в ее уборной (где одно время спал) несколько разрозненных томов Шекспира и не могу забыть восторга, который испытывал, читая их у топящегося камина; я сидел около него полуодетый, пока снизу не раздавался шум отодвигаемых стульев, возвещавший, что встают из-за ужина и дававший мне знать, что пора ложиться в постель, в которой я должен был мирно почивать уже с 9 часов. Случай, однако, свел меня с наставником, обладавшим поэтическим чувством. Это был не кто иной, как почтенный

и добрейший доктор Блаклок, хорошо известный в то время литератор. Не знаю, как я привлек его внимание и расположение нескольких молодых людей, живших у него, но случилось так, что меня часто и охотно принимали в его доме. Добрый старик разрешил мне доступ в свою библиотеку, по его совету я прочел Оссиана и Спенсера. Оба привели меня в восторг, в особенности последний. Постоянные повторения и вычурно фантастическая фразеология Оссиана надоели мне раньше, чем это можно было ожидать в моем возрасте. Но Спенсера я мог читать без конца. Я был слишком молод, чтобы вникать в аллегорический смысл его созданий; я принимал рыцарей, дам, пигмеев и великанов в их внешнем, общем смысле и бог знает как восхищался, находясь в их обществе. Я всегда обладал способностью запоминать всякие нравившиеся мне стихи и потому очень многое знал наизусть из Спенсера. Впрочем, память моя была чрезвычайно капризна в течение всей моей жизни, и я мог бы повторить слова старого Битти из Микльделя, сказанные почтенному пастору, хвалившему его способность к запоминанию. “Нет, сэр, – заметил старый порубежник, – я не могу повелевать своей памяти. В ней остается только то, что ей нравится, и, по всей вероятности, сэр, если бы вы даже два часа сряду читали мне проповеди, я был бы не в состоянии запомнить ни одного слова из них”. Моя память была точь-в-точь такого же рода: редко случалось, чтобы в ней не сохранились любимые мною поэтические отрывки, театраль-

ные куплеты, а главное – порубежные баллады. Но исторические имена, хронология и другие технические подробности истории забывались мною самым грустным образом. Философия, история также не существовали для меня в этот период моей жизни; но постепенно в моей голове накапливалось много интересных и художественных исторических фактов, так что когда в более зрелом возрасте я начал делать обобщения, то обладал значительным материалом для пояснения моих выводов. Я вышел из школы с большим запасом общих сведений, конечно, беспорядочных и собранных без всякой системы, но твердо запечатлевшихся в моем уме и приведенных в известную художественную связь памятью и живым воображением. Если моим занятиям недоставало руководства и системы в Эдинбурге, то понятно, что в деревне я был уже совершенно предоставлен только самому себе. Почтенная старинная библиотека для чтения и небольшое количество книг у некоторых частных лиц были к моим услугам, и я принялся за чтение, как слепец ищет дороги – на ощупь. Мой аппетит к книгам был велик, неразборчив и неутолим; впоследствии я слишком часто имел причины раскаиваться, что читал так много и с такой незначительной пользой. В числе ценных духовных приобретений моих в то время было знакомство с “Освобожденным Иерусалимом” Тасса по неудовлетворительному переводу Гуля.

Но важнее всего то, что я тогда впервые познакомился с “Памятниками древней поэзии” епископа Перси.

Так как я с детства любил подобного рода произведения и только против воли отвлекался от их изучения вследствие бедности и грубости материала, которым обладал, то можно себе представить неописуемый восторг мой, когда я увидел, что песни и баллады, подобные тем, которые забавляли меня в детстве и все еще втихомолку жили в моем воображении, почитаются предметом, достойным серьезного исследования, ученых комментариев и талантливых объяснений издателя, доказавшего, что его поэтический талант может соперничать с лучшими из произведений, сохраненных им от забвения. Я отлично помню место, где читал эти книги в первый раз. Это происходило под огромным кленом среди развалин того, что должно было быть старинной беседкой в саду, о котором я упоминал. Летний день прошел так скоро, что, несмотря на мой здоровый аппетит тринадцатилетнего мальчика, я забыл обеденный час; меня искали с беспокойством и нашли погруженным в духовную трапезу.

Портрет Вальтера Скотта.

Читать и запоминать было в этом случае для меня одно и то же — поэтому я поражал моих школьных товарищей и всех, кто хотел меня слушать, трагическими отрывками из баллад епископа Перси. Кроме того, как только я был в состоянии скопить несколько шиллингов, что со мною нечасто случалось, я купил себе экземпляр этой любимой мною книги; не помню, чтобы я вообще какую бы то ни было книгу читал так часто и с таким восторгом. Около этого же времени мне пришлось познакомиться с сочинениями Ричардсона, Мэкензи (с которым впоследствии у меня установились дружеские отношения), Филдинга, Смоллетта и некоторых других лучших наших романистов.

В этот же период моей жизни пробудилась во мне способность наслаждаться красотами природы, никогда впоследствии не покидавшая меня...

Романтические чувства, господствовавшие в моей душе, вызывались и поддерживались величественными чертами окружавшей меня природы; а исторические происшествия, или предания и легенды, связанные с ними, придавали моему восхищению оттенок уважения, заставлявший мое сердце горячее биться. С этого времени любовь к красотам природы, особенно в связи с древними развалинами и памятниками набожности или роскоши наших предков, сделалась у меня ненасытной страстью — и, если бы обстоятельства позволили, я охотно изъездил бы полвселенной для ее удовле-

творения.

Я должен был вернуться в Эдинбург к открытию курса в коллегии и прямо поступил в класс словесности мистера Гилля и греческий класс мистера Дальзеля. У первого классная дисциплина была весьма слаба; студенты очень любили его, так как он был очень добродушный человек и серьезный ученый; но он не обладал способностью возбуждать нашу любознательность. Было опасно поручать такому человеку юношу, столь мало расположенного к труду, как я; среди беспорядков его класса я скоро позабыл многое из того, чему научился у Адама и Веля. Дело могло бы идти лучше в греческом классе, так как профессор Дальзель умел поддерживать свой авторитет, сам был замечательный ученый и глубоко интересовался успехами своих учеников.

Но вот в чем была беда: почти все мои товарищи, кончившие курс высшей школы вместе со мною, подучились немного по-гречески до поступления в университет, а я, увы, ничего не знал; видя, что мои лингвистические сведения ниже познания товарищей, я вздумал завоевать себе равенство с ними, выражая полное презрение к греческому языку и высказывая твердое намерение не изучать его. Один юноша, сам отлично учившийся по-гречески, отнесся не с пренебрежением, а с сожалением к моей глупости. Он пришел ко мне на дом и серьезно указывал на вздорность моего поведения; при этом он сказал, что товарищи дали мне прозвище “греческий олух”, и убеждал меня поправить дело, пока еще не

поздно. Упрямая гордость заставила меня принять его совет с напускной вежливостью; в своей ограниченности я считал, что происхождение моего ментора (его звали Арчибальдом, и он был сын трактирщика) не дает ему права навязывать мне свои советы. Арчибальд был не особенно проникновен, или же добрые намерения заставили его сознательно превозмочь неудовольствие, которое мой прием необходимо должен был в нем вызвать, но он предложил заниматься со мною днем и ночью и ручался за то, что при его помощи я сравняюсь с лучшими студентами. Я на минуту почувствовал как бы угрызения совести, но они не были в состоянии преодолеть мою гордость и самомнение. Бедный юноша ушел от меня скорее опечаленный, чем рассерженный, и мы никогда более не вступали ни в какие сношения друг с другом.

Всякая надежда на успехи в греческом языке теперь исчезла для меня; когда нас заставили писать сочинения об изучаемых нами авторах, я имел смелость представить работу, где сравнил Гомера с Ариостом, которому и отдал предпочтение. Я пытался доказать эту ересь при помощи легкомысленных аргументов и ссылок на множество без толку прочитанных книг. Этим я возбудил величайший гнев профессора, который в то же время не мог скрыть своего удивления по поводу моих значительных, хотя и беспорядочных сведений. Он произнес мне строгий приговор: олухом я был и олухом останусь.

Впрочем, мой добрейший и ученый друг впоследствии от-

казался от этого мнения за бутылкой бургундского в нашем литературном клубе, одним из наиболее уважаемых членов которого он был. Как бы для того, чтобы уничтожить последние познания мои в греческом языке, я заболел посреди полугодия и снова перебрался в Кельзо, где опять долгое время читал как и что хотел – а не читал я, конечно, ничего, кроме того, что мне непосредственно доставляло удовольствие. Единственной вещью, спасшей мою голову от полного запустения, была любовь к историческим исследованиям, никогда не покидавшая меня даже в этот период умственной лени.

Я забросил также латинских классиков – не знаю, собственно, по какой причине, может быть, потому, что они были сродни греческим; случайно прочитанные истории Бюканана, Матвея Парижского и другие монашеские летописи поддержали мое знакомство с латинским языком в грубейшей его форме. Но я забыл даже греческую азбуку, – невознаградимая потеря ввиду того, что представляет из себя этот язык и чем были авторы, писавшие на нем».

Около этого времени отец Вальтера Скотта позаботился о том, чтобы он начал изучать математику; молодой Вальтер охотно взялся за нее, но обстоятельства сложились так, что и здесь он приобрел только поверхностные сведения. В других науках дело шло лучше. Он с успехом изучал этику, нравственную философию, историю, а также гражданское право и муниципальные законы. Вспоминая в своей ав-

тобиографии о своих пробелах в научном отношении, Вальтер Скотт говорит среди прочего следующее: «Если мои знания впоследствии оказались незначительными и неосновательными, то читатель должен извинить ленивого работника, который должен был строить на таком шатком фундаменте. Если же эти строки когда-либо попадутся на глаза юношеству, то пусть такие читатели запомнят, что я с величайшим сожалением в зрелые годы вспоминаю о том, что в юности пренебрег возможностью приобрести знание; что в течение всей моей литературной карьеры я был стеснен собственным невежеством и что в настоящую минуту я отдал бы половину доставшейся на мою долю известности за возможность основать вторую половину на твердом фундаменте научного знания».

В 1785–1786 годах отец Вальтера Скотта взял его в свою контору для того, чтобы он в установленном порядке мог изучить обязанности стряпчего. В то время, однако, мистер Скотт еще не решил, кем будет его сын – стряпчим или адвокатом. Молодой Вальтер не особенно ленился, а порою работал даже с необычайною энергией. Читал он очень много и по-прежнему питал пристрастие к тому, что отличалось романтическим характером. Если повесть относилась к современному быту, то, благодаря уже достаточно развитому вкусу, Вальтер интересовался только произведениями лучших авторов; но если сюжет касался рыцарства, то юноша поглощал все, без особенного разбора, и вскоре начал сам подра-

жать подобным сочинениям. У него был в это время приятель, Дж. Ирвинг, с которым он часто гулял; во время этих прогулок они рассказывали друг другу собственные романтические измышления, где преобладало воинственное и чудесное. Нужно прибавить, что Вальтер Скотт уже до десятилетнего возраста собрал столько старинных рассказов и песен, что из них составилось несколько тетрадей; они до настоящего времени сохраняются в Абботсфорде и все писаны детским почерком. Прочитав перевод Тасса и Ариоста, сделанный Гулем, и узнав, что на итальянском языке существует богатое собрание романтических произведений, Вальтер изучил итальянский язык, как перед этим с тою же целью освежил свои познания во французском. Позднее он изучил также испанский и немецкий языки, хотя не мог свободно говорить ни на одном из них. В то же время он не переставал расширять свои сведения по древней отечественной истории.

К этому периоду его жизни относится встреча Вальтера Скотта с поэтом Бёрнсом. Ему было всего пятнадцать лет, но он уже понимал поэтическую ценность таланта Бёрнса, который лично также произвел на него сильное впечатление своею скромностью и в то же время определенностью взглядов, выраженных без всякой рисовки или самонадеянности. В течение второго года пребывания Вальтера Скотта в отцовской конторе он заболел кровотечением из легких. Его уложили в постель и запретили двигаться и говорить. Он проводил все

время за игрою в шахматы, чтением своих любимых авторов и изучением истории, преимущественно ее военных событий. Когда ему хотелось представить себе наглядно встречу двух армий, он расставлял раковинки, семена растений и камешки. Приятель-столяр устроил ему модель крепости. С такими приспособлениями он прочел историю мальтийских рыцарей и историю Индостана, снабженную прекрасными планами. В другое время он при помощи искусно расположенных зеркал следил за тем, что делалось на улице, как солдаты шли на ученье и тому подобное.

Здоровье его после одного или двух кровотечений стало поправляться, но в юноше развились нерешительность и нервность, чего прежде не было, а также обидчивость и меланхолическое настроение. Все это он сам приписывал частым кровопусканиям и растительной диете, которыми его старались излечить от болезни. Со временем, однако, это состояние прошло, и Вальтер Скотт всю жизнь пользовался завидным здоровьем.

Как только юноша вполне оправился от своей болезни, он принялся много гулять и ездить верхом. Он также иногда отправлялся с товарищами в горную Шотландию и посещал там клиентов своего отца. Между ними был старик Александр Стюарт из Инвернгайля, который много рассказывал будущему романисту о том, что происходило во время восстания 1715–1745 годов. Большим горем для Вальтера Скотта было неумение рисовать – ему хотелось бы во время сво-

их экскурсий делать эскизы местностей, но рисование ему не давалось, и он заменял недостающие ему эскизы тем, что брал на память ветки деревьев из осматриваемых живописных уголков... С музыкой дело шло у него еще хуже, чем с рисованием... В других областях он, однако, начал восполнять пробелы своего хаотичного воспитания. Эдинбургские студенты составляли так называемые «литературные общества», где занимались рассмотрением литературных, философских и научных вопросов. Вальтер Скотт говорит, что играл в них далеко не блестящую роль, так как хорошим оратором не был и не привык «сочинять» и обобщать своих мыслей о каком бы то ни было предмете; единственное, что помогало ему, – это исторические сведения, приобретенные им благодаря неутомимому и разнообразному чтению. В это время он сблизился со многими товарищами, оставшимися его друзьями на всю жизнь. Он не вполне одобрял времяпрепровождения тогдашних студентов. Много, говорит он, было лени, а иногда слишком много кутежей, но, в общем, это была хорошая молодежь с горячим сердцем и искренним желанием приобрести знание. Заметив, что он отстал от товарищей по метафизической философии и другим отраслям науки, Вальтер старался чтением пополнить то, чего ему не доставало. В январе 1791 года его приняли членом в самое известное Эдинбургское литературное общество (*The Speculative*) и выбрали библиотекарем, а затем секретарем и кассиром его. Существуют различные записи, сделанные его

рукой и касающиеся дел общества, где видно, что он с большим вниманием занимался ими; но эти записи, так же, как и письма, написанные им в первой молодости, отличаются странно-небрежным правописанием. В этом обществе, или клубе, читались среди прочего различные статьи, написанные членами, и мистер Фрэнсис Джеффри упоминает, что Вальтер Скотт не отставал от других. Он также собирал различные старинные вещи и книги. Примерно в это же время отец Вальтера предложил сыну сделаться его компаньоном, но высказал, что предпочел бы видеть его адвокатом. Вальтер Скотт и сам желал этого, так как положение стряпчего казалось ему более зависимым, а он жаждал свободы. Он начал специально изучать законы и трудился над этим с 1789 по 1792 год, занимаясь римским гражданским правом и муниципальными законами Шотландии вместе со своим приятелем Вильямом Клерком, а также слушая лекции по этим предметам в Эдинбургском университете. Шотландские законы читал тогда известный Дэвид Юм, о котором Вальтер Скотт постоянно впоследствии вспоминал с благодарностью и восхищением. Занятия молодых людей увенчались полным успехом, и в 1792 году будущий романист получил звание адвоката.

Глава II

1792–1814

Первая любовь Вальтера Скотта. – Поездки в горную Шотландию. – Стихотворные опыты. – Женитьба. – Первые контакты с Балантайном. – Друзья и помощники Вальтера Скотта. – Дальнейшие литературные труды. – Семейная жизнь поэта

Вальтеру Скотту минул двадцать один год, когда он получил звание адвоката. В это время он был застенчив, небрежен в одежде и дичился в обществе. Вдруг с ним произошла перемена; он стал хорошо одеваться и сделался, по шутливому выражению товарищей, «дамским кавалером» – и все это произошло оттого, что он влюбился в молодую девушку, которую однажды, по случаю дождя, проводил до ее дома под своим зонтиком. Это была Маргарита, дочь сэра Джона Стюарта Гельчеса, стоявшего на более высокой общественной ступени, чем будущий романист. Строго честный отец Вальтера, узнав о любви сына, счел долгом предупредить родителей Маргариты. Но сэр Джон не обратил на это внимания и не запретил своей дочери встречаться с Вальтером Скоттом. В то время он, по словам герцогини Судерланд, был красивый юноша: высокий, сильный – настоящий Геркулес; его портила только хромая нога. У него были большие блестя-

щие глаза с открытым взором, приятная улыбка, прекрасные зубы, благородный высокий лоб и полусерьезное-полувеселое выражение лица. Несмотря на скромность и застенчивость, речь его отличалась блеском и умом. Вальтер Скотт мечтал, что Маргарита также любит его, но не смел высказывать ей своих чувств. Так продолжалось лет пять-шесть; но когда, наконец, он объяснился с нею, то уже было поздно: молодая девушка считалась невестой другого – приятеля Вальтера Скотта, сэра Вильяма Форбеса, за которого вскоре и вышла. Это знакомство и любовь сильно повлияли на Скотта в том смысле, что удержали его от многих соблазнов молодости и развили поэтический элемент в его характере.

SIR WALTER

SCOTT, BART.

In his Study at Abbotsford.

Published at the Albion Office, No. 21, 1846.

Вальтер Скотт в своем рабочем кабинете в имении Абботсфорд.

Гравюра Г. С. Садда по оригиналу В. Аллена. 1846 г.

Что касается адвокатской деятельности, которую Вальтер Скотт занимался около десяти лет, то она оказалась неудачной, так как ему приходилось вести все незначительные дела, несмотря на то что он, по свидетельству товарищей, отличался основательным знанием законов, трудолюбием, находчивостью, здравым смыслом и к тому же был замечательным диалектиком. За все эти качества он пользовался уважением товарищей и был несколько раз избираем в библиотекари корпорации юристов наравне с лицами столь известными, как Дэвид Юм, профессор шотландского права, и историк Малькольм Ленг.

Занятия в библиотеке соответствовали склонностям Вальтера: имея под руками богатый материал, он горячо и неутомимо изучал легенды и местные исторические памятники. В этом же направлении он работал во время своих поездок по делам и экскурсий по шотландскому порубежью в каникулярное время. Так, в течение семи лет Вальтер Скотт ежегодно делал набег на отдельный горный Лидесдэль вместе со своим товарищем Шортридом и собирал там песни и легенды, из которых составил впоследствии «Сборник поэзии шотландского порубежья»¹. Здесь же он знакомился с на-

¹ «Песни шотландской границы». — *Примеч. ред.*

родным бытом, так прекрасно изображенным в его романах. По мнению Шортрида, в то время Вальтер Скотт еще вовсе не отдавал себе отчет, какие плоды принесут его странствия, а просто думал о приятном и веселом препровождении времени. Шортрид рассказывает о некоторых из этих прогулок. Лидесдэль был в то время таким уединенным уголком света, что кабриолет Скотта оказался первым когда-либо появившимся там экипажем. Во всей долине не было ни одной гостиницы или даже постоянного двора; приходилось пользоваться гостеприимством то в хижине пастуха, то на ферме, то в пасторском доме. В эти дни, говорит Шортрид, описывая одну из названных прогулок, адвокатов еще было мало, по крайней мере, – в Лидесдэле; поэтому приезд такого высокопоставленного гостя произвел сильный переполох на первой ферме, которую они посетили. Она принадлежала некоему Вилли Эллиоту. Он принял их с величайшими церемониями и настоял на том, что сам сведет лошадь Вальтера Скотта в конюшню. Шортрид сопровождал Вилли, который, взглянув в щелку двери и увидев, как любезно Вальтер Скотт отвечает на приветствия полудюжины окружавших его собак, прошептал: «Ну, черт меня возьми, если я его теперь хоть крошечку боюсь, – мне кажется, что он точь-в-точь такой же человек, как и мы». Он на славу потчевал своих гостей, после чего они отправились ночевать к доктору Эллиоту, соседскому пастору, у которого был целый сборник древних баллад и легенд; здесь также не обошлось без угощения, и

пунш играл в нем немаловажную роль. На следующее утро они предприняли новую и довольно далекую поездку с намерением посетить старого Томаса в Твизльгопе, также принадлежавшего к клану Эллиотов и славившегося игрою на шотландской волынке и знанием редких старинных песен. Угостив их музыкою, старый Томас преподнес им, по горному обычаю, пунш в особенном маленьком деревянном сосуде, похожем формою на подойник и носившем имя «Мудрость» за то, что в нем могло поместиться всего несколько ложек напитка. И тем не менее сосуд этот во всем приходе лет пятьдесят уже славился как самый лютый враг трезвости и мудрости, ибо хозяин так ловко умел снова наполнять его, что он никогда не бывал пустым. Оказав должную честь «Мудрости», друзья продолжали свое веселое путешествие. Хотя пить приходилось часто, но ни молодой Вальтер, ни его друг не злоупотребляли спиртными напитками и, даже выпив лишнюю рюмку, всегда оставались «джентльменами». Однажды молодые люди, остановившись в одной хижине, очень удивились, что, несмотря на радушный прием, хозяева подали им только одну бутылку наливки. После ужина молодой пастор, также находившийся в доме, по приглашению хозяина стал читать Библию. Фермер, задремавший во время чтения, вдруг вскочил и сильно удивил гостей возгласом: «Ей-богу, вот, наконец, и бочонок!» – и в ту же минуту в комнату ввалились с бочонком в руках два здоровых работника, которых фермер в ожидании визита адвоката послал

два дня тому назад к известному контрабандисту за водкой. Душеспасительное занятие было прервано, и устроилась попойка, длившаяся до солнечного восхода.

Вальтер Скотт собирал также всякие древности. Среди прочего доктор Эллиот подарил ему старинный боевой рог, в котором до того времени один из слуг его держал жир для смазки железных садовых инструментов. Его вычистили, он оказался вполне целым и невредимым и до настоящего времени сохраняется в Абботсфорде. Скотт сам вез его домой, не выпуская из рук, Шортриду же поручил какие-то старинные удила. «И весь этот вздор никогда нам ничего не стоил, — замечает практический друг романиста, — нам с начала недели и до конца не приходилось браться за кошельки».

В одно из следующих своих путешествий Вальтер Скотт посетил Стирлингшир и Пертшир и между прочим был в Тюлибоди, имении дяди его друга Джорджа Аберкромби. Старик рассказал ему о том, как он посетил разбойника Роб Роя в его пещере, был принят им весьма любезно, ел у него жареное мясо украденных из Тюлибоди коров и заключил с ним условие о плате ему «черной дани», что должно было гарантировать его владения не только от Роб Роя, но и от всех соседних и дальних разбойников.

В промежутках между своими странствованиями Вальтер Скотт посещал родных и знакомых в окрестностях Эдинбурга и тут продолжал свои антикварские занятия вместе с изучением местности. В то время, то есть между 1792 и 1796 го-

дом, в Шотландии происходило довольно значительное умственное брожение. Общество под влиянием известий о Великой французской революции разделилось на консерваторов и сторонников революции. Вальтер Скотт примкнул к первой партии и играл видную роль в столкновениях ее с демократическими ирландскими студентами-медиками. Примерно в это же время в Англии и Шотландии распространился страх перед французским вторжением и начали формироваться полки волонтеров. В Эдинбурге сформировался полк, где адвокаты были рядовыми, а судьи – офицерами, но Вальтер Скотт был этим недоволен и несколько позднее с некоторыми друзьями выхлопотал позволение устроить кавалерийский отряд, в котором был назначен квартирмейстером и казначеем. Несмотря на свой физический недостаток – хромоту, – он отлично ездил верхом, не знал усталости, а энергия и веселость его одушевляли всех. Он, однако, не бросал и своих литературных занятий. В течение зимы 1795 года ему пришлось прочесть балладу Бюргера «Ленора», которая привела его в такой восторг, что он в тот же вечер принялся переводить ее, не спал всю ночь и на следующее утро представил перевод своим друзьям, которые вполне одобрили его. Под влиянием мрачных картин бюргеровской поэзии молодой поэт отправился со своим приятелем Александром Вудом к знаменитому хирургу Джону Беллю и выпросил у него череп и две бедренные кости, которые впоследствии всегда занимали почетное место на верхушке

его книжного шкафа. После этого он с жаром принялся изучать немецкий язык, а свой перевод «Леноры» вместе с переводом другой поэмы Бюргера, «Дикий охотник», напечатал без подписи в 1796 году. Эти первые литературные попытки Вальтера Скотта произвели мало впечатления на читающую публику, хотя английские критики высоко ценят их.

Вальтер Скотт не особенно долго оплакивал свою первую любовь. Через год после замужества Маргариты он с братом Джоном и приятелем Фергюсоном отправился в экскурсию на английские озера и временно поселился в уединенной деревне Кумберланда, Гольсланде, имевшей минеральные воды. В окрестностях ее он встретил молодую девушку, которая поразила его своею прелестью. В тот же вечер на балу в Гольсланде он был представлен ей – это была мисс Шарлотта Карпентер, дочь француза Жана Шарпантье из Лиона, преданного роялиста, умершего в начале революции.

Мать ее с двумя детьми переселилась в Англию, где также вскоре умерла, оставив сирот на попечение друга их семьи, маркиза Дауншира. Брат Шарлотты служил в Ост-Индской компании, а она сама жила у старой приятельницы своей матери, мисс Никольсон, с которой и приехала на воды. Хотя черты лица Шарлотты не были правильными, но она имела большие черные глаза, темные роскошные волосы, грациозную фигуру и прелестные манеры. Молодые люди с первого взгляда полюбили друг друга, и через месяц Вальтер уже был женихом Шарлотты. Маркиз Дауншир без затруднения дал

свое согласие, но старый эдинбургский стряпчий некоторое время противился поспешному, по его мнению, браку сына. Строгий пресвитерианец не любил Франции, и, хотя мисс Карпентер была протестантка, он, тем не менее, ожидал мало хорошего от француженки. Кроме того, ему не нравилась эта женитьба, и, с другой стороны, сын его не был обеспечен, и, хотя мисс Карпентер получала пятьсот фунтов стерлингов в год от брата, этот доход нельзя было назвать вполне верным. Вальтеру Скотту стоило большого труда уговорить отца, это ему удалось, и 24 декабря того же года он обвенчался с Шарлоттой.

Брачную жизнь Вальтера Скотта можно назвать вполне счастливою, хотя впоследствии оказалось, что во вкусах супругов было мало общего. Леди Скотт была вполне преданная жена и добрая мать. Если она и не отличалась особенными талантами, зато была гостеприимною хозяйкою, и зимой в доме Вальтера Скотта в Эдинбурге собирались по вечерам друзья и товарищи, между которыми встречалось немало талантливых людей. Молодая чета не давала званных обедов и балов, но часто посещала театр. Лето супруги проводили на небольшой дачке, в деревенском домике или коттедже, нанятом ими в шести милях от Эдинбурга. Здесь Вальтер Скотт занимался цветоводством. Коттедж этот, называвшийся Ласвэд, стоял в очень живописной местности, неподалеку располагались замки герцога Буклюю, лорда Мелвилла, лорда Вудгузли и мистера Мэкензи, которые все радушно приня-

ли молодых супругов в свое общество. Друзья из Эдинбурга также приезжали в Ласвэд. Локгард рассказывает, что много лет спустя, когда Вальтер Скотт достиг славы и богатства, он повез однажды в Ласвэд своих друзей, мистера Маррита и его жену, и, показывая им коттедж, сказал: «Хотя нечего тут и смотреть, но я все-таки желал убедиться, существует ли по-прежнему этот маленький домик. Это была первая наша дача после свадьбы, и мы много хлопотали, чтобы придать ей уютный вид; я даже собственноручно сделал большой обеденный стол. Посмотрите на эти две несчастные ивы у ворот: они связаны верхушками в виде арки. Конечно, они представляют теперь неважное зрелище, но я хотел снова на них взглянуть; уверяю вас, эта зеленая арка так нравилась мне и маме (так обыкновенно Вальтер Скотт называл жену, когда у них пошли дети), что в день ее устройства мы долго ходили ночью, при лунном свете, любуясь ее живописным видом и великолепием нашего жилища».

Счастливая семейная жизнь сильно поощряла Вальтера Скотта в его литературных занятиях. Он познакомился со знаменитым в то время литератором Льюисом, автором полного сверхъестественных ужасов романа «Монах». Льюис составлял сборник, вышедший затем в 1801 году под названием «Чудесные рассказы»; он обратился к Вальтеру Скотту с просьбой дать ему какой-нибудь «немецкой чертовщины» вроде его перевода «Леноры» Бюргера. Вальтер Скотт тотчас послал ему несколько баллад. Льюис же побудил его

предпринять перевод драмы Гёте «Гёц фон Берлихинген», который стараниями Льюиса вышел из печати в 1799 году, но особенного впечатления не произвел. В это время Вальтер Скотт начал писать оригинальные стихотворения для сборника Льюиса; таковы его баллады «Гленфилас», «Серый брат», «Канун Иванова дня» и другие. Все они основаны на преданиях, воспеваемых в народных шотландских балладах. Льюис мешкал с изданием сборника, и Вальтер Скотт случайно нашел другой способ напечатать свои стихотворения; именно Джеймс Балантайн, товарищ его по школе и содержатель типографии в городке Кельзо, предложил ему помещать юридические статьи в его газете «Вестник Кельзо». Вальтер Скотт согласился и затем, со своей стороны, предложил Балантайну напечатать сборник его баллад в двенадцати экземплярах, чтобы показать этот образчик типографского искусства в Эдинбурге и доставить Балантайну заказы от эдинбургских книгопродавцев. Уехав в Эдинбург, Вальтер Скотт вскоре написал своему приятелю письмо, где предлагал ему издавать, во-первых, еженедельную газету, во-вторых, ежемесячный журнал и, в-третьих, «Каледонский ежегодник», для которого находил нетрудным подобрать хорошие статьи. Кроме того, он советовал ему взять на себя издание судебных и административных документов, а также старинных и новых книг. Для всего этого он зазывал Балантайна в Эдинбург и советовал ему составить товарищество. Это и было началом издательских предприятий Вальтера Скот-

та, имевших для него такие печальные результаты. Но в то время планы эти казались ему весьма блестящими, тем более что собственное положение его было уже обеспечено, и он считал, что спокойно сможет предаться литературной деятельности. Дело в том, что умер приятель Вальтера Скотта мистер Плуммер, пламенный антикварий и шериф (судья) в Селькирке. Наместник графства, лорд Буклю, как вождь клана Скоттов, постарался оказать покровительство поэту, литературным занятиям и политическим убеждениям которого сочувствовал. Он ходатайствовал за него у тогдашнего министра, лорда Мелвилла, тоже ценившего Вальтера Скотта, и 16 декабря 1799 года будущий романист был назначен шерифом с содержанием в триста фунтов в год, что с доходом от адвокатских дел и с тем, что получала г-жа Скотт, составляло достаточные средства для вполне обеспеченного образа жизни. Служба Вальтера Скотта как шерифа в мирной пастушеской местности, лежавшей главным образом во владениях герцога Буклю, была нетрудной; поэтому он с жаром принялся за собирание и издание баллад и, по счастливому стечению обстоятельств, нашел трех прекрасных помощников для этого дела. Первым из них был Джон Лейден, сын пастуха, почти самостоятельно выучившийся новым и древним языкам, математике и естественным наукам. Случайное знакомство его с Вальтером Скоттом вскоре превратилось в тесную дружбу. Вальтер Скотт предложил ему сотрудничество в сборнике Льюиса, а также в своем собствен-

ном, и Лейден доставил несколько прекрасных стихотворений в оба, но его услуги были всего драгоценнее по отношению к разысканию местных шотландских легенд и песен. Другим помощником и другом Вальтера Скотта был Джеймс Гогг, «этрикский пастух», скрывавший под грубой оболочкою простого мужика глубокий поэтический талант. Он уверял, что знает все баллады, легенды и песни пограничной Шотландии, и действительно доставил поэту значительное число их. Со своей стороны, Вальтер Скотт постоянно заботился о нем и старался устроить его судьбу, что было нелегко, так как Гогг отличался капризным и неуживчивым характером. Он то преклонялся перед Вальтером Скоттом, то писал ему письма, начинавшиеся словами «Проклятый сэр» и подписанные «Презирующий Вас».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.